Беги от любви

Автор:
Симона Элкелес

Беги от любви

Симона Элкелес

TrendbooksНарушай правила #2

Вик Салазар – плохой парень. А у плохих парней свои правила и законы чести. Вик никогда не флиртует с девушками своих друзей. Вик даже не смотрит в сторону Моники Фокс, которая встречается с его лучшим другом. Он скрывает, что влюблен в нее много лет.

Моника Фокс кажется счастливой. Она в группе чирлидеров и уже давно встречается с Треем Мэттьюсом. Моника скрывает, что ее жизнь вовсе не так идеальна. Единственный, кому она готова открыться, – это друг ее парня, Вик Салазар.

Когда Монике требуется помощь, Вик снова оказывается рядом. Между ними не остается секретов, но по-прежнему действуют негласные правила старшей школы, которые нельзя нарушать. Смогут ли они сбежать от любви и сохранить дистанцию, когда их постоянно тянет друг к другу?

Книга содержит нецензурную брань

Симона Элкелес

Беги от любви

Оригинальное название: Wild Crush

Text Copyright © 2015 by Simone Elkeles

Автор изображения BONNINSTUDIO

Изображение на обложке использовано с разрешения https://www.stocksy.com/816600/portrait-of-a-woman-wearing-fashion-sport-clothes-football

Серия «Trendbooks»

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

* * *

Доктору Нилу Гордону, который помогает мне идти своей дорогой в этой сумасшедшей жизни

Глава первая

Виктор

НЕЛЕГКО БЫТЬ МАЛЬЧИКОМ в мексиканской familia[1 - Семья. Здесь и далее перевод с испанского.], особенно если твой papa считает, что тебя ждут только провалы, и каждый день напоминает о твоих недостатках.

Просыпаюсь я от крика mi papa[2 - Мой папа.]. Понятия не имею, на кого он орет – на меня или на кого-то из моих сестер. Вот уже шесть месяцев как mi’ama[3 - Моя мама.] уехала в Мексику, чтобы заботиться о захворавших бабушке и дедушке, но отец все еще не понял, что крик из-за каждой мелочи не решит наших проблем. Я научился не реагировать.

Сегодня утром та же история. Я волнуюсь: сегодня первый день последнего учебного года в школе. Я должен выпуститься в июне, но не знаю точно, произойдет ли это. Слушайте, я не хвастаюсь своими тройками по основным предметам, но горжусь тем, что пока ничего не завалил. Правда, в прошлом семестре была у меня двойка по испанскому. Сеньора Суарес думала, что раз я мексиканец, то буду у нее отличником. Она не знала, что говорю я сносно, а вот с правописанием у меня беда, что по-английски, что по-испански.

Марисса, моя сестра, в кухне за столом читает книгу и ест хлопья. Каштановые волосы собраны в пышный хвост на макушке, и я готов поклясться, что футболка и джинсы у Мариссы тщательно выглажены. Сказать, что Марисса во всем лучше меня, – значит ничего не сказать. Она всегда так старается заслужить одобрение papa, что вокруг себя ничего не замечает. Вот только доказать папе, что ты достоин его внимания, невозможно, но Марисса этого еще не поняла. Это было бы смешно, если бы не было так чертовски грустно.

В кухню врывается papa, он в костюме с галстуком, на ухо прицеплена гарнитура Bluetooth.

– Где ты был вчера вечером? – спрашивает он меня.

Я мог бы сделать вид, что не слышу, но папа тогда только сильнее разозлится. Я прохожу мимо него и, изучая содержимое холодильника, отвечаю:

– La playa.

– На пляже? Виктор, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. – Папин голос, будто проволочная мочалка, которая царапает голую кожу.

Остановившись, я поворачиваю голову и смотрю на папу, хотя лучше уж слушать, как Марисса часами рассказывает про математические уравнения или про свои теории о пространстве и материи, чем находиться рядом с ним. Papa

прищуривается.

В детстве я его боялся. Я играл в Малой бейсбольной лиге, и он мог снять меня с матча, если я не отбивал три подачи подряд или не брал простой высокий мяч. Когда я занялся футболом, папа зверел, если у меня не выходило обыграть соперника, и дома буквально впечатывал меня в стенку, чтобы показать, какой я неудачник и как ему за меня стыдно. Все ему было не так.

Я его больше не боюсь, и он это знает. Думаю, это бесит его. Когда я учился в девятом классе, после очередного его разноса у меня в голове что-то щелкнуло. Я просто развернулся и ушел, а у папы уже сил не хватило меня удержать.

Сейчас он дышит мне прямо в лицо кофе и сигаретной вонью:

– Я слышал, вчера на пляже драка была. ?Participo? Ты тоже участвовал?

Кажется, он не заметил моих ободранных костяшек.

– Нет, – вру я.

Сделав шаг назад, он одергивает пиджак:

– Bueno[4 - Хорошо.]. Не хочу, чтобы на работе говорили, что мой сын какой-то отморозок. За кухонным столом не читают! – рявкает рара на сестру громко, не терпящим возражения тоном и садится к столу с чашкой очень горячего кофе.

Быстро захлопнув книгу, Марисса кладет ее рядом и продолжает молча есть. Допивая кофе, рара читает с телефона сообщения и письма. Потом ставит чашку в раковину и, не сказав ни слова, уходит. Как только он скрывается из виду, напряжение у меня в шее ослабевает.

Входит Дани, они с Мариссой близняшки. Дани самый общительный человек в нашей familia. На ней едва прикрывающие culo[5 - Задница.] шорты и рубашка на пару размеров меньше, чем нужно. Я качаю головой. Если Марисса преуспела в учебе, то Дани – в растранжиривании денег и в оголении до невозможности. Обычно я сестер не трогаю, но… сегодня первый день занятий, а mi’ama взяла с меня слово заботиться о сестрах. Меньше всего мне хочется разбираться с

доброй половиной ребят из школы, которые пялятся на задницу моей сестры-девятиклассницы.

– Дани, ты издеваешься, да? – говорю я.

Дани откидывает назад свои мелированные в салоне волосы и пожимает плечами:

– А что такого?

– В этом в школу ты не пойдешь.

Сестра закатывает глаза и обиженно фыркает:

– Слушай, Вик, ты ведешь себя как culero[6 - Придурок.]. Расслабься.

Смотрю на нее взглядом старшего брата, который не собирается уступать. Я не придурок. Дани хочет выглядеть на восемнадцать и вести себя соответственно, но ей всего четырнадцать. Привлекать внимание к телу я ей не позволю.

– В этом откровенном наряде в школу ты не пойдешь, – говорю я. – И точка. Возражения не принимаются.

Она пытается переиграть меня в гляделки, хотя ей пора бы знать, что со мной этот номер никогда не проходит.

– Ладно, – фыркает она и убегает наверх, а спустя пару минут появляется в джинсах скинни и свободной белой майке. Она чуть ли не прозрачная, но все же лучше, чем то дерьмо, что было до этого.

– Так тебе нормально? – спрашивает Дани.

Она издевается – крутится передо мной, позируя, как модель.

– Черт с тобой. Que esta bien… так нормально.

Она хватает из шкафа батончик мюсли:

– Adios. Предвосхищая твой вопрос о том, кто везет меня в школу, скажу, что это Кэссиди Ричардс. – Дани искоса наблюдает за моей реакцией. – Ты ведь помнишь ее, Вик, да?

Она же это несерьезно, да?

– Кэссиди Ричардс?

– Ага.

Вот черт! По зловещему выражению ее лица видно, что она не шутит.

– Почему ты едешь в школу с моей бывшей? – спрашиваю я.

Дани откусывает от батончика:

– Во-первых, она старшеклассница и может сама водить машину. Во-вторых, она популярна и познакомит меня с разными клевыми ребятами. В-третьих, она сама предложила. Разве этого мало?

В прошлом учебном году мы с Кэссиди Ричардс то встречались, то расставались. Еще до начала лета мы расстались окончательно. У нее противная привычка постить обо мне всякий бред. Она не называет мое имя и не отмечает в постах, но вся школа знает, что ее «цитаты о расставании» про меня. Например:

ЕСЛИ БОИШЬСЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ТЫ МЕНЯ НЕДОСТОИН.

НИ ОДНА ДЕВЧОНКА НЕ БУДЕТ ОТНОСИТЬСЯ К ТЕБЕ ТАК ХОРОШО, КАК Я.

Я ОТДАЛА ТЕБЕ ВСЕ, А ТЕБЕ НА МЕНЯ НАПЛЕВАТЬ.

МНЕ БЕЗ ТЕБЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ С ТОБОЙ.

И моя самая любимая:

МОЙ БЫВШИЙ – ПРИДУРОК.

Вот такая она, Кэссиди. Сначала швыряется оскорблениями, а потом пытается меня вернуть. И тогда мой мобильник взрывается от сообщений о том, как она по мне скучает. Когда мы расставались в последний раз, я поклялся, что больше никогда не буду с ней встречаться. Кэссиди – просто королева драмы. Я избегаю драм. Ну, теперь избегаю.

– Что не так с нашей сестрой? – спрашиваю я у Мариссы, после того как Дани выходит из дома, виляя бедрами.

– Не спрашивай, – пожимает плечами Марисса.

Поставив миску в раковину, она вслед за мной выходит из дома. Как раз в этот момент раздается гудок. Мой лучший друг Трей, припарковав машину на нашей подъездной дорожке, гордо сидит в своей побитой Honda Civic с пробегом больше трехсот тысяч километров.

Высунув голову в окно, Трей кричит моей сестре:

– Эй, Марисса! Тебя подвезти?

– Спасибо, Трей, не надо, – поправив очки на носу, отвечает она, проходя мимо. – Я лучше на автобусе.

Я сажусь в машину.

– Я правильно понял: твоя сестра-девятиклассница хочет ехать на автобусе? – спрашивает Трей, вопросительно глядя на меня.

– Ага.

– Вик, она чересчур экстравагантная.

– В смысле ненормальная?

Трей искоса поглядывает на меня. Он всегда старается ввернуть в разговор замысловатое словечко – словарный запас Трея подошел бы и для студента колледжа из Лиги плюща, и для местного парнишки. Я посмеиваюсь над ним: он как ходячий словарь, а я сам по возможности использую исключительно простые слова.

– Скажем так: Марисса, скорее всего, относится к поездке в автобусе как к социальному эксперименту и напишет об этом работу по социологии, – объясняю я.

Двигатель дважды фыркает, пока Трей задом выезжает с дорожки у моего дома.

– Как я уже сказал, твоя сестра экстравагантна.

– А твоя? – спрашиваю я.

С тех пор как Джет устроил ее подрабатывать моделью, она ведет себя так, будто она какая-нибудь голливудская знаменитость.

– Я не отрицаю того, что моя сестра эксцентрична, – развеселившись, отвечает Трей. – Кстати об эксцентричном. Отсюда только что отъехала Кэссиди Ричардс вместе с Дани. Я сначала подумал, что не туда приехал. Что она здесь делала?

– Не знаю, что Кэссиди задумала, – говорю я.

Трей смеется:

– Она опять хочет с тобой встречаться, вот что.

От одной мысли об этом меня пробирает дрожь.

– Еще чего не хватало!

– В следующем месяце бал выпускников, – продолжает Трей. – Может, она хочет пойти с тобой. Если тебе некого пригласить, ты безропотно согласишься пойти с ней. Уж без пары ты наверняка не останешься.

Черт, о бале выпускников я даже не думал.

– Слушай, давай сменим тему. Никакого желания говорить о Кэссиди, или о бале, или о безропотном согласии, что бы это ни значило. Давай говори так, чтобы простым людям понятно было.

– Вик, а ты разве не хочешь обогатить свой словарный запас?

– Нет.

Трей пожимает плечами.

– Ну ладно. Тогда давай поговорим о драке, в которую ты вчера ввязался, – говорит он. – Ты в порядке? Я слышал, все было жестко.

– Да-а. Оказалось, тот чувак избивал Хизер. – Я поглядываю на свои разбитые костяшки. Слышал, что парень Хизер занимается боксом и все такое, но до вчерашнего вечера, пока не увидел, как он ударил ее на пляже, понятия не имел, что он использует свою девушку в качестве груши. Хизер отнекивалась, говорила, что такое у них в первый раз.

Мне до лампочки, первый или пятидесятый. Чуваку пришлось объяснить: ударил девушку – отвечай.

– Знал бы, вписался бы за тебя, – говорит Трей.

Трей, скорее всего, будет произносить речь от всех учеников нашей школы на выпускном, репутация у него идеальная. О ней он заботится не меньше, чем об оценках, вот почему я не хотел втягивать его в драку, которая вполне могла окончиться вызовом полиции.

– Я сам с этим разобрался, – говорю я.

Я со всем сам разбираюсь. У Трея – слова. У меня – кулаки. В отличие о своего друга я из-за оценок не волнуюсь, потому что контрольные и проверочные пишу плохо, и без разницы, готовился я или нет. Таким уж я уродился тупицей, это мое проклятие.

Мобильник Трея издает три звоночка.

– Это сообщение от Моники. Прочитай мне.

Трей отказывается смотреть в телефон за рулем. Не отрывает глаз от дороги и держит руки в положении на десять и на два часа, как учили на уроках вождения в десятом классе.

– Что она хочет? – спрашивает он.

– Она хочет расстаться с тобой, чтобы можно было встречаться со мной.

Трей усмехается:

– Ну да, как же. Моя девушка пойдет с тобой на свидание, когда ты попадешь на школьную Доску почета.

Это правда, хоть и грустная.

– Ну, этого не случится никогда.

– Вот именно. – Трей указывает на телефон. – Так что она пишет?

– Она написала: «Привет».

– Напиши ей тоже: «Привет».

Я закатываю глаза:

– Ну вы и зануды.

– Да ладно! Вот если ты заведешь себе девушку, то что ей напишешь в такой ситуации?

– Девушку, Трей, не заводят. Но если бы она у меня была, то я бы ей написал кучу всего, а не просто «привет». Особенно если бы у меня был словарный запас как у тебя. Наверное, я бы написал, типа, что думал о ней всю ночь и что она не выходит у меня из головы.

– Своим «левым» девчонкам я пишу непристойности, – шутит Трей. – Будут меня за это уважать на районе?

– Ну да, конечно. – Всем известно, что Трей и его девушка Моника Фокс неразлучны и, скорее всего, когда-нибудь поженятся. Он не станет ей изменять.

Трей и не догадывается о том, что я уже много лет влюблен в Монику. Но встречается с ней он, так что в соответствии с нашим негласным братским кодексом она навеки неприкосновенна. Даже несмотря на то, что она не выходит у меня из головы.

Глава вторая

Моника

НЕНАВИЖУ ВЫЛЕЗАТЬ из кровати по утрам, даже летом, когда я сплю до обеда. Сегодня первый день последнего учебного года в школе. Сегодня мой будильник прозвенел в шесть утра и напомнил мне, что летние каникулы закончились. Сгорбившись, я шаркаю в ванную. Почистив зубы, я задерживаю взгляд на флакончике с лекарством. Таблетки смотрят прямо на меня, будто говорят: «Прими меня!» Кладу одну в рот и запиваю стаканом воды.

– Моника! – кричит мама из прихожей. – Ты встала?

– Да-а! – отзываюсь я, входя в душ.

– Хорошо. Я готовлю тебе завтрак, поторопись! Не хочу, чтобы все остыло.

В душе я прикрываю глаза и просто подставляю тело под горячую воду. После душа я чувствую себя в сто раз лучше… почти нормально. А когда спускаюсь

вниз в форме команды чирлидеров (все чирлидеры должны прийти в форме в первый учебный день), я уже в порядке. Адреналин бежит по венам. Я готова. Все супер.

– Какая ты хорошенькая! – восклицает мама, чмокая меня в щеку. Она ставит в центр стола целую тарелку блинчиков, а передо мной яичницу из двух яиц и говорит: – Вот, ешь.

Я начинаю смеяться:

– Мам, тут хватит на всех учеников старшей школы Фремонта.

– Твоя мама увлеклась, – говорит папа, появляясь в дверях. На нем брюки цвета хаки и сшитая на заказ рубашка, на которой вышито: «Доктор Нил Фокс». Раньше я жалела о том, что мой папа – пластический хирург, мне хотелось, чтобы у него была какая-нибудь другая специализация. Но потом я познакомилась с его пациентом, которого питбуль укусил в лицо. Этот человек назвал папу своим героем. Сказал, что не хотел жить, пока папа ему не помог, и это полностью изменило мои взгляды.

Папа целует меня в макушку:

– Как себя чувствуешь, малыш?

– Прекрасно, – отвечаю я.

– Лекарство приняла?

– Да, папа. Ты задаешь этот вопрос каждое утро, и я всегда отвечаю одинаково. Когда ты уже перестанешь спрашивать?

– Никогда.

– А когда ты в колледж уедешь, он, наверное, будет каждое утро тебе сообщения писать, – говорит мама, игриво подталкивая папу в бок.

Папа, виновато улыбнувшись мне, целует маму и обнимает ее за талию.

– Дорогая, ты хорошо меня знаешь!

Да, родители заигрывают друг с другом. Иногда я недовольно ворчу, но вообще приятно знать, что они любят друг друга, ведь у большинства друзей родители развелись или вместе не живут. Мама, директор рекламного агентства, достает телефон и наводит его на меня. Я выгибаю бровь:

– Что ты делаешь, мам?

– Хочу сфотографировать тебя в первый день последнего учебного года. Это же потрясающе! – Мама так широко улыбается, что мне самой хочется расхохотаться.

– Э-э… мам, я еще не выпускница, – говорю я. – Пока только первый день. Что, если у меня будут одни тройки? Или двойки? Тогда тоже будете меня фотографировать?

– Конечно, будем, Моника, – говорит папа и делает глоток утреннего чая. – Но если у тебя будут одни пятерки, то сможешь сама выбрать колледж. Это приятный бонус.

– Только не надо на меня давить, пап, – весело говорю я.

Все знают, что папа был лучшим в параллели.

– Мы просто хотим, чтобы ты старалась, – говорит мама, делая еще один кадр. – Если не будешь стараться, приедет дядя Томас и вправит тебе мозги.

– Классно! Обожаю дядю Томаса, хоть он и жесткий. – Я вопросительно смотрю на родителей. – А если все равно будут одни тройки? Что вы тогда скажете?

Переглянувшись, родители поворачиваются ко мне.

– Моника, ты не троечница, – говорит мама.

– Да и твой парень тоже, – добавляет папа. – Трею, как я понимаю, доверят произносить речь на выпускном от всей старшей школы Фремонта, потому что у него, скорее всего, будет наивысший средний балл в параллели.

– Откуда ты знаешь?

Он поднимает кружку будто для тоста:

– Трей рассказал. Этот парень просто гений.

Ну да, мой парень обожает болтать с моим папой о колледжах и школьных достижениях. Это и футбол – вот любимые темы Трея.

Мой телефон жужжит. Сообщение. Это гений собственной персоной.

Трей: «Я у твоего дома. Готова?»

Я: «Ага. Секунду».

– Гений уже здесь, – говорю я родителям, запихивая в рот остаток блинчика.

– Он не хочет зайти? – спрашивает папа. – Скажи ему, что осталась куча блинчиков и яичница.

Я: «Предки спрашивают, не хочешь ли блинчиков и яичницу».

Трей: «Я поел. Только обязательно поблагодари их от меня!»

Я: «Подлиза».

Я съедаю еще немного яичницы, отношу за собой посуду в раковину и, обняв на прощанье родителей, ухожу к двери.

Мама с телефоном идет следом за мной.

– Давайте я вас вместе сфотографирую! – кричит она, выйдя следом за мной на высоких каблуках и помахав Трею.

Она еще не видит, что у Трея в машине сидит Виктор Салазар. Заметив его, мама замирает.

– Ой! – от неожиданности вырывается у нее.

Что бы я ни рассказывала родителям, репутация Вика говорит сама за себя. Его не раз арестовывали за драки, и родителям не нравится, что у нас общие друзья. Кроме того, у него вечно угрюмое выражение лица. Думаю, так он дает людям понять, что не хочет ни с кем сближаться. У него дома творится просто кошмар, и Виктор не хочет, чтобы об этом кто-то узнал.

– Ну… э-э… тогда… – Мама чуть ли не заикается.

Трей выходит из машины:

– Вик, пойдем. Миссис Фокс хочет нас сфотографировать.

– Думаю, она хочет сфотографировать тебя с Моникой, – отвечает Вик мрачным голосом. Похоже, ему плевать, попадет он в кадр или нет.

Открыв пассажирскую дверь, я тяну Вика за рукав.

– Да ладно тебе, – говорю я, – пора фоткаться.

– Я не фоткаюсь, – бурчит Вик.

– Очень смешно, – говорю я. – Давай по-быстрому сфоткаемся, а то опоздаем и нас накажут.

Вик пожимает плечами:

– А я, может, хочу опоздать.

Мама покашливает, Вик выходит из машины.

Летом мы почти не виделись, он в прекрасной физической форме. Трей с Виком много тренировались, готовясь к предстоящему футбольному сезону. На Вике такая же, как у Трея, футболка с символикой спортклуба, но Вик в рваных джинсах, а Трей в скинни, которые подчеркивают его стройные мускулистые ноги. Они лучшие друзья, но при этом такие разные!

Улыбнувшись, я встаю между ребятами, мама нас фотографирует.

– Пришлите мне фотку, – просит Трей.

– Конечно, – говорит мама, отправляя ему снимок. Да, у родителей в контактах есть номер моего парня.

Вик чуть заметно качает головой. Он не понимает, почему у Трея такие хорошие отношения с моими родителями и как вообще такое возможно. Вик из тех ребят, которые по возможности избегают общения с родителями.

Через десять минут мы подъезжаем к школе, входим в здание и присоединяемся к другим ученикам в крыле для старшеклассников. Все наши друзья уже здесь. Дерек и Эштин не отрываясь смотрят друг другу в глаза, будто хотят заглянуть в душу. Бри поправляет прическу – ей надо выглядеть лучше чем безупречно. Джет в центре внимания всех свободных девчонок. Для него это обычное дело, особенно с тех пор, как он начал подрабатывать моделью и его фото стали появляться в журналах и в магазинах. Прямо настоящая фремонтская знаменитость.

Трей, не отходивший от меня все это время, вдруг получает сообщение. Он поворачивает экран так, чтобы мне не было видно. Такое чувство, будто он что-то скрывает.

– Я сейчас, – говорит он.

– Ты куда? Что случилось? Кто написал?

Брр! Понимаю, что веду себя как приставучая недоверчивая девушка. Неделей раньше, когда мы где-то тусовались, он постоянно с кем-то переписывался. Сказал сначала, что с двоюродным братом, а потом что с сестрой. Тогда я не стала задавать вопросов, но сейчас у меня такое чувство, будто между нами выросла стена.

– Это папа, – объясняет Трей. – Он просит позвонить. Я сейчас. – Он чмокает меня в губы. – Люблю тебя.

– Я тебя тоже, – на автомате отвечаю я.

Он отходит, я смотрю ему вслед, и меня охватывает гнетущее чувство. Обернувшись, я замечаю Кэссиди Ричардс, она идет к Вику, чей шкафчик рядом с моим. Она теребит концы своих длинных вьющихся светлых волос и облизывает губы. Очевидно, старается привлечь внимание Вика, но он не поддается.

– Вик, привет, – игриво говорит Кэссиди.

– Чего тебе? – отвечает он.

Кэссиди в той же группе чирлидинга, что и я, и при каждой удобной возможности выспрашивает про Вика. Я украшаю свой шкафчик, стараясь не вникать в их разговор. Это дается мне нелегко: все происходит прямо перед моим носом.

– Я слышала, ты вчера в драку ввязался, – обвинительным тоном говорит Кэссиди. – Из-за Хизер Грейвз. Теперь тебе она нравится?

Закрыв шкафчик, Вик спрашивает:

– Тебе делать нечего?

Кэссиди ставит руки на бедра:

– А что, спросить нельзя?

– Нет.

– Ну и ладно. – Она недовольно пыхтит. – Я просто хотела разговор поддержать.

– Ты хотела пустить сплетню, – отвечает Вик.

Недовольная Кэссиди уходит, Вик с досадой качает головой.

Я вешаю в шкафчик зеркальце, фотографии друзей и вырезки из журналов. Вик наблюдает за мной.

– Что? – спрашиваю я, когда он опять качает головой.

Вик указывает на фотографии.

– Зачем украшать шкафчик?

– Фото друзей и картинки с тем, что мне нравится, вызывают у меня улыбку. – Я указываю на его неизменное стоическое выражение лица. – Тебе самому стоит попробовать. Улыбаться, знаешь ли, полезно для здоровья.

Его губы вытягиваются в прямую линию, когда он замечает в другом конце коридора Кэссиди, сплетничающую с подружками.

– Может, мне нечему улыбаться.

– Да ладно тебе, Вик. У каждого есть чему улыбаться.

– Это у тебя есть, Моника. А у меня нет.

Если бы он только знал!.. Он прислоняется к шкафчику, но тут подходит Брендон Баттер.

– М-м, Вик… хм… жаль, что мне приходится это сообщать, но твою сестру видели с Люком Хэндлером. Они шли в крыло «Н».

Вик начинает бормотать ругательства. Если бы это услышали учителя, то его сразу бы отправили в кабинет директора.

Люк Хэндлер старается подцепить как можно больше девчонок, это все знают. А еще у него привычка выкладывать в сеть фотки, на которых он со всеми этими девчонками целуется. Это чтобы тешить самолюбие и поддерживать статус плейбоя. Он до совершенства отточил навык убеждать каждую из девушек в том, что она в отличие от своих предшественниц сможет сделать из него преданного моногамного парня. Когда быстротечные отношения заканчиваются, Люк по-прежнему жеребец, а девчонки остаются с испорченной репутацией.

Выражение Вика из стоического превращается в жуткое.

– Улыбнусь, когда надеру задницу Люку Хэндлеру, – говорит он и убегает по коридору в сторону крыла «Н».

– Не нарывайся на неприятности, – кричу я вслед, хоть и знаю, что Вик неприятностей не боится.

Кто бы объяснил Виктору Салазару, что драки не должны вызывать улыбку? Ни при каких условиях.

Глава третья

Виктор

ДАНИ ТОЛЬКО В ДЕВЯТОМ классе и понятия не имеет, что тусоваться в крыле «Н» – плохая идея. Только несколько дней спустя новички узнают, что именно в крыло «Н» отправляешься, если хочешь пообниматься, не попавшись учителям на глаза. Кроме того, крыло «Н» считают логовом банды.

Звонок звенит как раз тогда, когда я наконец замечаю Люка Хэндлера. Он болтает с моей сестрой. Люк нависает над ней, а она стоит, прислонившись к кирпичной стене, смотрит на него снизу вверх, хлопает ресницами и хихикает над тем, что он ей сказал.

– Эй, Хэндлер! – окликаю его я как раз тогда, когда этот отморозок тянется к ее лицу своими гадкими руками. Схватив Люка за ворот, я заглядываю в глаза-бусинки. – Ты что себе позволяешь?

Чувак поднимает обе руки вверх:

– Э-э… ничего.

– Непохоже, что ничего, дружище.

Хэндлер переводит взгляд с Дани на меня:

– Она твоя девушка, что ли?

– Нет, – усмехаюсь я в ответ. – Она моя сестра, понял, кусок дерьма? Если еще хоть раз не нее посмотришь, если отведешь ее в крыло «Н» или запостишь фотку с ней, то будешь смотреть не на мое лицо, а на мой кулак. Понял?

Парень нервно сглатывает слюну:

– Еще бы. Я… я понял.

Я отпускаю воротник Люка, и он бросается по коридору прочь от меня. Чем дальше, тем лучше. Раздается притворно тяжелый вздох сестры:

– Боже, Вик! Ну ты и придурок! Да я хотела просто развлечься. Ты всегда собираешься мне все портить?

– Да.

Она закатывает глаза:

– Я тебе не скромница Марисса. Если бы он сделал что-то против моего желания, получил бы коленкой по яйцам.

В этом я даже не сомневаюсь, просто Дани не имела дела с парнями, которые, как Хэндлер, болтают на каждом углу о своих похождениях.

Звенит второй звонок. Черт!

– Марисса, наверное, уже в классе, – говорю я. – А это просто охренеть насколько лучше, чем быть в крыле «Н» с главным бабником Фремонта. Он хотел закадрить тебя, чтобы похвастаться, какой он жеребец, и запостить все это. Я этого не допущу. А теперь иди в класс, пока охранники не поймали тебя, а то еще решат, что прогуливаешь.

Собрав книги, сестра уже собирается уйти.

– Ты, Вик, лицемер, – говорит она. – Строишь из себя крутого, а на самом деле самый большой раздолбай в школе. Ходят слухи, что люди уже делают ставки – окажешься ты в конце учебного года с дипломом или в тюрьме. Хочешь, скажу, у кого больше шансов выиграть?

– Нет.

Довольная, она расплывается в злобной улыбке, совсем как рара, и гордо удаляется на урок.

Завернув за угол, чтобы попасть на первый урок в крыло «М», я оказываюсь лицом к лицу с человеком, чья задача – следить, чтобы во Фремонте не было наркотиков, насилия и хулиганов.

Инспектор Джим.

– А ну-ка стой, – окликает меня он. По надменному выражению лица видно, что он обожает свою работу. – Не думаю, что у тебя, сынок, есть разрешение находиться вне класса.

Я отрицательно качаю головой.

– Ну тогда нам придется прогуляться до кабинета директора.

Если я влипну в неприятности, тренер Дитер превратит мою жизнь в ад. И дополнительные круги на тренировках будут меньшей из моих проблем.

– Можно я пойду на урок? – спрашиваю я. – Сделайте мне поблажку, а?

Инспектор Джим качает головой.

– В мои обязанности входит докладывать обо всех опозданиях и о подозрительной деятельности, чтобы сократить число правонарушений среди учащихся.

– Правонарушения? Да ладно вам, вы это серьезно? Ведь первый день школы. Может, я заблудился.

Выражение его лица не меняется.

– Ты старшеклассник, Салазар. Если ты заблудился, давай отведу тебя в крыло «В», там проводят уроки для учащихся с особыми потребностями. Хочешь туда?

– Нет.

– Я так и думал. – Он жестом пригласил меня пойти с ним в кабинет директора.

Там мне велели сесть и ждать, пока директора Финниган не проинформируют о правонарушении. Смех, да и только!

Инспектор Джим стоит у стола секретарши, выпятив грудь. Его самомнение раздулось до размеров его пивного брюха.

– Виктор Салазар, доктор Финниган сейчас вас примет, – говорит секретарша.

Я вхожу в кабинет Финниган, она поднимает голову. На ней мужской костюм, каштановые волосы коротко острижены. Думаю, она слишком старается казаться жестким человеком, или мужиком, или и тем и другим.

– Садитесь, мистер Салазар, – приказывает она.

Когда я это делаю, она складывает ладони домиком и вздыхает.

– Неудачно вы год начинаете. Прогулы неприемлемы.

– Я не собирался прогуливать урок, док.

– Виктор, вы находились в коридоре без разрешения. Во время первого урока. – Она подается вперед, как будто собирается сообщить мне нечто важное. – Давайте не будем ходить вокруг да около. Вы, молодой человек, и раньше прогуливали. Вам хорошо известно, что я не приемлю правонарушений и опозданий. Вы, Виктор, футболист. И старшеклассник. Вам на этот раз следует начать год как положено… или я сделаю так, что тренер Дитер выгонит вас из команды. Может быть, тогда вы возьметесь за ум.

Ни за что! Этого нельзя допустить. Футбол для меня все. Я уже привык придумывать отмазки, для того чтобы выпутаться из неприятностей. Это вроде игры, в которой я хотел бы выигрывать чаще, чем проигрывать.

– Послушайте, док, – начинаю я. – Я помогал заблудившейся девятикласснице отыскать свой кабинет и поэтому опоздал. Честно говоря, мне полагается награда типа «За гражданскую сознательность» или «За бескорыстную доброту», а не наказание.

Видно, что директор прячет ухмылку.

– «За гражданскую сознательность»?

Я невинно киваю:

– Вы же не думаете, что я собирался прогулять урок в первый же день?

– Давайте я не буду отвечать на этот вопрос. – Финниган откидывается в кресле, лекция, как видно, окончена. – Сегодня я добрая, выношу вам предупреждение. И вот что: называйте меня доктор Финниган или директор Финниган… но не док. – Директор поднимает трубку и просит секретаршу пригласить в кабинет инспектора Джима. – Пожалуйста, проводите мистера Салазара на его первый урок, – говорит ему директор. – А вы, Виктор… мне, конечно, нравится с вами

беседовать, но все же хотелось бы, чтобы наши разговоры были о ваших академических целях, а не о нарушениях режима.

Академические цели? Смех, да и только! Я ничего не отвечаю. Пусть док еще несколько дней поживет в мире грез.

Глава четвертая

Моника

НАШ УЧИТЕЛЬ ПО СОЦИОЛОГИИ мистер Миллер устроил перекличку. Он произносит имя Виктора Салазара трижды и только потом в блокноте отмечает, что его нет.

– Кто-нибудь сегодня видел мистера Салазара?

Пара человек поднимают руки.

– Я видел его у шкафчика, – говорит один.

Одна девочка слышала, что он ввязался в драку перед школой, а другая видела его в коридоре прямо перед началом урока. Кэссиди Ричардс сидит на первом ряду. Услышав имя Вика, она презрительно ухмыляется и тихонько называет его придурком.

Мистер Миллер начинает объяснять материал, но тут дверь открывается и входит Вик. Инспектор Джим, который патрулирует коридоры Фремонта, заходит следом. Потом, быстро переговорив с мистером Миллером, удаляется.

– Спасибо, что почтили нас своим присутствием, мистер Салазар.

– Не за что, – бурчит Вик, явно не желая оставаться в центре внимания.

– Сядьте в первом ряду, – говорит учитель, когда Вик направляется в глубину класса.

Развернувшись, Вик замечает свободное место рядом с Кэссиди.

– У меня в первом ряду клаустрофобия начинается, – лениво растягивая слова, жалуется он.

– Ничего не поделаешь. – Мистер Миллер указывает на пустое место в первом ряду. – Я должен не спускать с вас глаз.

Вик неохотно опускается на сиденье рядом с Кэссиди и так же неохотно ей кивает. Все оставшееся до конца урока время мистер Миллер объясняет, что социология изучает группы людей.

– Наша индивидуальная реакция в корне отличается от того, как мы реагируем, когда находимся среди равных себе или в группе. Мы подчиняемся общественным нормам, хотим мы этого или нет, – продолжает он. – Как вы думаете, что происходит, когда мы нарушаем общественные нормы или выходим за рамки того, что от нас ожидает общество?

Кэссиди тут же поднимает руку:

– Мы становимся неудобными.

– Вот именно, – говорит учитель. – Это встряска для всей системы. Подумайте об общественных нормах. Кроме того, я прошу вас нарушить их и понаблюдать за тем, что случится, когда вы выйдете за их рамки. Снимите видео о том, как вы делаете что-то вне нормы, и посмотрите, что произойдет потом. – Мистер Миллер останавливается у стола Вика. – Впрочем, для некоторых из вас, мне кажется, нарушение норм – ежедневная рутина. – Постучав костяшками пальцев по столу Вика, он многозначительно смотрит на него.

Мистер Миллер продолжает объяснять материал еще тридцать минут, пока не звенит звонок и мы не выбегаем из класса.

– Жесть, – говорит Вик.

– Почему? Потому что он прицепился к тебе? – спрашиваю я.

– Да мне плевать, цепляется ко мне Миллер или нет. – Вик качает головой. – Не в том дело. Я думал, по этому предмету легко будет получить пятерку, но теперь послушал Миллера и начал в этом сомневаться.

У Вика не самые лучшие отметки. Он не особо старается, но это, наверное, оттого, что он не считает себя способным получить пятерку. Он уже сказал мне, что в этом году выбрал для себя только легкие предметы. Я выбрала социологию, потому что всерьез этим интересуюсь и подумываю в колледже изучать социологию или психологию, а не потому, что это легкий предмет.

– Я могу с тобой заниматься, – предлагаю я Вику и бросаю взгляд на Кэссиди: она идет перед нами, виляя бедрами. Наверное, хочет привлечь внимание Вика. Я притягиваю его к себе и шепчу ему на ухо: – Уверена, что и Кэссиди с удовольствием тебе поможет.

Он в ее сторону вообще не смотрит.

– Давай не будем об этом.

Когда она исчезает за поворотом, я говорю:

– Вик, не знаю, почему ты не хочешь дать ей еще один шанс? Она явно все еще влюблена в тебя… хоть и называет придурком.

– Я и есть придурок.

– Нет, это не так, – говорю я.

С Виком мы в одной компании еще с девятого класса. Я хорошо его знаю, хоть он и оградился от всех толстенной стеной. Бывает, что сквозь этот фасад крутого парня проглядывает его настоящая сущность.

– Иногда ты…

– Сволочь.

– Нет. Я хотела сказать «угрюмый» или «жесткий». Вспыльчивый. – Он хочет уйти от меня вниз по коридору, но я хватаю его за рукав. – Ты настоящий. И защищаешь тех, кто тебе небезразличен. Мне это нравится.

Он отворачивается, как будто ему неловко от моего комплимента. Он не такой плохой, каким его выставляет отец. Я вообще во многом на Вика полагаюсь. И Трей тоже. Вик – самый преданный друг, и это много для меня значит. Кроме того, он ужасно харизматичный. Самое смешное, он даже не представляет, что пользуется успехом у девчонок и что они его постоянно обсуждают. Во время футбольных матчей на трибунах у него даже есть собственная группа болельщиков.

В общем, про Вика в школе говорят почти все, хочет он того или нет. Дальше по коридору одна девятиклассница указывает на него и, радостно хихикая, фотографирует со спины.

– Что это ты там увидела? – Подошедший сзади Трей целует меня в шею.

Обернувшись, я обнимаю его, выбрасывая из головы мысли о мускулах Вика.

– Ничего. Ну, как первый урок? – спрашиваю я.

– Честно говоря, я уже весь на нервах, – отстраняясь, отвечает он. – Мне придется нелегко: у меня углубленная программа, а времени для самостоятельных занятий в расписании нет, да еще надо заявления в колледжи писать и эссе. И это не говоря уже о футболе. Столько всего, а ведь сегодня только первый день занятий.

– Тебе не обязательно выбирать только супертрудные предметы, – говорю я.

Мы вместе идем по коридору. Я замечаю, что Трей не держит меня за руку. Раньше он всегда брал меня за руку, когда мы ходили по коридорам. Сейчас он слишком взволнован, будто не может сосредоточиться на наших отношениях из-за стресса. Но я все понимаю. Если будешь хорошим парнем, высокий средний балл не заработаешь. Он станет лучшим в школе, только если будет получать пятерки, занимаясь по углубленной программе.

– Снизь нагрузку, если так нервничаешь.

– Не могу, – говорит Трей. – От результатов этого года очень многое зависит. Ты же знаешь.

– Знаю.

Он перекладывает книги из одной руки в другую, и из одного учебника выпадает прозрачный пакетик с таблетками. Трей быстро подбирает его.

– Что за таблетки? – спрашиваю я.

– Лекарство от тревожных расстройств, врач прописал, – объясняет Трей. – Оно меня успокаивает.

Очень странно. Трей не говорил, что пьет таблетки.

– А почему в пакетике?

– Потому что не хотел весь флакон в школу тащить. Ничего такого.

Я перехожу на шепот:

– Трей, еще не хватало, чтобы кто-то решил, что ты принимаешь наркотики. Как раз такие пакетики используют наркодилеры. А родители заполнили у медсестры бланк с информацией о лекарстве и…

– Моника, это пустая трата времени, – перебивает Трей. – Кроме того, мои дела медсестры и прочих не касаются.

Кажется, его разозлило мое предложение. Внутри у меня все переворачивается.

– Как скажешь.

– Сейчас будет второй звонок. Пока, – торопливо прощается Трей.

Меня не покидает щемящее чувство: с Треем что-то не так. Я пытаюсь убедить себя в том, что его нервозность связана с первым учебным днем, что Трей просто хочет стать лучшим в учебе и в футболе. Но что, если причина в другом?

Глава пятая

Виктор

НА ФУТБОЛЬНЫХ ТРЕНИРОВКАХ с тренером Дитером всегда тяжело, особенно летом, когда на улице жуткое пекло. Официальное начало футбольного сезона в эту пятницу, и Дитер сдирает с нас по три шкуры.

После школы мы должны час заниматься в тренажерном зале. Я уже собираюсь присоединиться к друзьям по команде, как вдруг у входа замечаю Хизер Грейвз в темных очках. Она заметно нервничает.

– Привет, Вик, – говорит Хизер. – Можно тебя на минуточку?

– Конечно, – отвечаю я. – В чем дело?

Она снимает очки, под глазом жуткий синяк. Неудивительно, если учесть то, как ее колотит парень.

– Я… просто хотела поговорить о вчерашнем. Джо заводится с пол-оборота, но я клянусь: грубость по отношению ко мне он проявил впервые. А вообще я пришла сказать спасибо.

Это звучит так, как будто я какой-нибудь супергерой. Но ведь я не расхаживаю повсюду, выискивая, кого бы еще спасти. Любой сделал бы то же самое, увидев, что ударили девчонку.

– Парням нельзя бить девчонок, – говорю я. – Никогда.

Она смотрит в пол.

– Я знаю. Просто… он становится таким, когда выпьет. С ним отец обращается по-скотски.

– Мой старик со мной тоже по-скотски обращается, но я ни разу не ударил девчонку, – возражаю я.

Она вздыхает и кивает.

– Мы расстались. – Она смахивает слезу, потом расправляет плечи. – Я пойду. Извини, что побеспокоила.

Быстро прильнув ко мне, она обнимает меня и убегает. Обернувшись, я вижу, что у противоположной стены стоит Джет. Он, похоже, все видел.

– Клево, что ты за нее вступился, – говорит он. – А ты когда узнал, что ее парень крут в боевых искусствах? До того, как решил дать ему по шее, или после?

– В процессе, – говорю я, и Джет начинает смеяться.

– Эй, Вик, – кричит Трей, когда я вхожу в зал и запрыгиваю на беговую дорожку. – Если стремишься стать хоть вполовину таким же быстрым, как я, тебе придется значительно увеличить скорость.

Мы с Треем постоянно соревнуемся. Сейчас он выставляет себе скорость выше моей.

– Братишка, да я все лето бегал, – говорю я, не замедляя хода. – Тебе недолго осталось быть самым быстрым в команде. – Я выставляю себе такую же скорость, как у Трея.

В ответ он заливисто смеется и снова увеличивает темп.

– Выпендрежники, – раздается с другого конца зала, где Эштин выполняет жим лежа, а ее страхует наш квотербек Дерек, они встречаются.

Эштин у нас кикер, поэтому сильные руки ей не нужны, но она, как и я, любит тренироваться на пределе возможностей. Вот, наверное, поэтому мы и

подружились. Мы понимаем друг друга… ну, если не считать ее отношений с Дереком Фитцпатриком, которого все называют «Фитц». Не знаю, почему они встречаются. Постоянно спорят и пререкаются, как будто уже давно женаты, и меня это бесит.

– Ходят слухи, что Кэссиди хочет, чтобы ты пригласил ее на бал выпускников, – говорит Эштин, закончив один из подходов и вытирая со лба пот девчачьим розовым полотенцем.

– Ни за что!

– Ну тебе же надо кого-нибудь пригласить. Вик, не можешь же ты не пойти на бал выпускников, если мы в выпускном классе.

– Хм… нет, могу.

Она вздыхает:

– Слушай, Салазар, ты идешь на бал, хочешь ты этого или нет.

– Да в тебе весу килограммов пятьдесят пять, не больше, – говорю я. – И ты думаешь, что можешь силой заставить меня что-то сделать?

– Да. – Она похлопывает меня по спине. – И я хочу, чтобы ты был счастлив.

Счастлив? Обхохочешься. Я схожу с беговой дорожки и иду к кулеру с водой. Эштин за мной. В прошлом году в минуту слабости я рассказал ей о том, что влюблен в Монику. Сначала Эштин рассмеялась, подумав, что я пошутил. Но потом, взглянув на меня, поняла, что это правда. Эштин – единственная, кто знает об этом, кроме моей двоюродной сестры Изабель, и обе поклялись никому не говорить. Глотнув воды, Эштин смотрит на меня, на ее лице читается жалость.

– Пригласи кого-нибудь на бал. Неужели тебе больше вообще никто не нравится? Ну хоть чуточку?

Кроме той, которой мне не видать?

– Не-а.

– Итак, внимание, – громовым голосом говорит тренер Дитер. – Встречаемся на поле в полной экипировке ровно через пятнадцать минут. Кто опоздает, будет бегать дополнительные круги. Там, ребята, больше тридцати градусов, так что, если не хотите литр пота в бандаже, будьте на месте вовремя.

В такую жару дополнительные круги бежать никто не хочет, и мы все спешим в раздевалку, чтобы надеть экипировку. Эш исчезает за дверью женской раздевалки. Шкафчик Трея рядом с моим. Стоя перед ним, Трей тяжело вздыхает.

– Как мне пригласить Монику на бал выпускников? – спрашивает он нас. – Хочу ее приятно удивить.

Только не это. Опять про бал? Уж лучше бы сейчас поговорить про пот в бандаже. Или про то, как мне в глаза втыкают иголки.

– Напиши «БВ» глазурью на печеньке, и дело с концом, – предлагает Джет.

– Это уже было, типа, триллион раз, – вклинивается Дерек. – Я завтра вечером напишу приглашение для Эштин на одном из футбольных мячей. Она обнаружит надпись во время матча, когда будет тренироваться.

– А если не обнаружит? – нагло ухмыляясь, спрашивает Джет. – Или если надпись найдет наш запасной кикер Хозе Эррехон? С ним тогда на бал пойдешь?

– Не переживай. Предоставь мне всю это дурацкую романтику. Мой план срабатывает всегда, – говорит Дерек Джету. – А кого же ты пригласишь, Джет? Кто эта бедняжка?

Джет шевелит бровями:

– Я думал пригласить Бри. Она-то наверняка расстарается.

Я швыряю в него свою бутсу. Джет бросает ее обратно и смотрит в зеркало. Единственное, о чем он беспокоится помимо своей машины, – это прическа.

– А ты кого пригласишь, Салазар? – спрашивает он, изучая себя в зеркале и поправляя безупречно стоящие торчком волосы.

Я решаю не напоминать ему о том, что через пару минут все это примнет шлем.

– Никого, – отвечаю я. – Я вообще не пойду.

– Мы все должны идти, – говорит Трей. – Такая традиция.

– Традиции нарушать нельзя, – соглашается Джет.

Трей поднимает ладонь:

– Ничего, ребята. Я придумаю, как привести нашего местного холостяка на бал выпускников, только подбросьте мне пару идей насчет того, как пригласить Монику. Клянусь, у меня сейчас столько забот, что в голову ничего не приходит.

– Трей, может, тебе бросить эти свои предметы углубленного изучения и вместе со всеми нормальными людьми ходить на обычные уроки? – предлагает Джет. – Разве тебе не сообщили, что в выпускном классе учиться несложно, просто раз плюнуть.

– Раз плюнуть – это если не собираешься закончить с лучшим средним баллом в параллели, кретин, – парирует Трей.

– У спортсменов не бывает лучшего балла, – говорит Джет. – Если ты его получишь, это нарушит вселенское равновесие. Вот я – спортсмен, и мне положено быть тупицей. – Он указывает на меня. – Или вот возьмем Салазара… у него вообще мозги работают вполсилы.

Я отмахиваюсь от него:

– Пошел к черту! Мозги у меня есть. Просто я всегда опускаюсь до твоего уровня, чтобы до тебя дошло, что я сказал.

Джет хохочет:

– Конечно, братишка.

– Джет, наукой доказано, что мозги ни у кого не работают в полную силу, – вступает Трей. – Просто подскажи, как быть с Моникой.

Черт возьми, да если бы я приглашал девчонку вроде Моники на бал выпускников, то я бы сделал так, чтобы она запомнила это на всю жизнь. Я толкаю Трея в плечо, чтобы привлечь его внимание:

– Как насчет устроить что-то на футбольном поле? Пусть оркестр играет романтическую мелодию, а ты организуй пикник.

Джет делает вид, что его тошнит.

– Вик, идея дебильная. Дружище, ты просто возьми ее в парк развлечений «Бешеные приключения» и пригласи, когда будете лететь вниз на американских горках. Это она уж точно запомнит.

– Американские горки! А что, мне нравится, – говорит Трей, загораясь идеей. – Спасибо, Джет. Гениальная идея!

Американские горки?

– Вроде Моника терпеть не может американские горки, разве нет? – спрашиваю я у Трея. Моя идея с пикником на поле мне нравится намного больше. Она… в духе Моники. Моника такая красивая, нежная и постоянно болтает о романтических фильмах.

– Буду держать ее за руку, вот тебе и романтика. – Трей подмигивает. – Все будет как надо.

– Ребята, осталось две минуты, – кричит помощник тренера мистер Хантсингер. – Тащите свои задницы на поле, а то тренер Дитер превратит вашу жизнь в ад!

Черт! Из-за всей этой болтовни про бал выпускников мы теперь опаздываем. Остальные ребята из команды как испарились. Они, похоже, уже разминаются. Я быстро надеваю экипировку и вместе с Джетом, Треем и Дереком выбегаю на улицу. Тренер Дитер стоит на поле, глядя на часы.

– Вы четверо опоздали на одну минуту и одиннадцать секунд, – говорит он, глядя на нас. – От вас, старшеклассников, я ожидаю большего. Бежим четыре круга, после каждого делаем остановку у столика с водой, восстанавливаем водный баланс.

Проклятье! Бросив шлем, я пускаюсь бежать. Мы вчетвером под палящим солнцем буквально обливаемся потом. Точнее сказать, только трое обливаются потом. Трей ни капельки не вспотел, и даже дыхание у него не сбилось. Трей как машина: всегда готов бежать, всегда готов доказать, что он быстрее любого из нас. Для него это вроде игры, и он знает, что обязательно выиграет. Но когда-нибудь я его точно обгоню. Это для меня вопрос чести.

– Напомни мне больше никогда не опаздывать, – просит Джет. – Дитер не шутил. Я так взмок, что у меня хозяйство прилипло к ракушке.

– Есть идея, – подключается к разговору Де-рек.

– Это насчет потных яиц? – уточняет Джет, хватаясь за них, чтобы их поправить, его не волнует, что с трибуны за нами наблюдает группа девчонок.

– Нет. А может, и да, – говорит Дерек. – Я про бал выпускников. Давайте продолжим вечеринку у моей бабушки.

Джет поднимает руки:

– Да у тебя просто жесть какая бабушка! Она, наверное, самого тренера Дитера к чертям собачьим насмерть перепугает при встрече.

– Вы, ребят, забываете об одном, – говорит Трей. Он единственный, кто в эту сумасшедшую жару дышит ровно и, похоже, совсем не устал. Чудо природы, да и только.

Мы выжидающе смотрим на него, а Дитер свистком приказывает нам прекратить бег. Мой лучший друг хлопает меня по спине, защита на плечах издает глухой звук.

– Нам нужно найти пару для Вика, потому что если он не пойдет, то и я не пойду.

Я молчу. Единственную девушку, которую я хочу пригласить, я пригласить не могу. Потому что это его девушка. Хорошо, что он понятия не имеет, в кого я влюблен.

Остаток тренировки пролетает как один миг. По пути домой Трей говорит о колледжах и заявлениях. Я об этом вообще пока не думаю. Трей подъезжает к моему дому. Выйдя из машины, замечаю на газоне перед домом плакат «Фремонт. Футбол. 56. Виктор Салазар», а входная дверь расписана банальными вдохновляющими высказываниями типа: «У тебя получится!», «Мы любим Вика!» и «Лучший лайнбекер в Иллинойсе!».

У нас классные чирлидеры. В школе они украшают нам шкафчики, а дома – входные двери. И каждая пишет личное послание и прикрепляет его к двери. Я ищу глазами то, что от Моники.

Моему другу Вику

Помоги, пожалуйста, Трею выиграть первую игру, чтобы его взяли в Гарвард. Но только если ты не против. Ха-ха!

Твой друг Моника.

Черт! Эштин права. Надо выкинуть Монику из головы. Проблема в том, что я не знаю, как это сделать.

Глава шестая

Моника

ЧТО ХОРОШЕГО В ТОМ, что родителям нравится твой бойфренд? Они не возражают, когда он к тебе заходит. Что плохого в том, что родителям нравится твой бойфренд? Родители ведут себя так, будто он их лучший друг.

Трей заехал ко мне после тренировки, и папа уже дважды нам помешал. Сначала он зашел на кухню, где я готовила попкорн, – мы с Треем собирались посмотреть фильм. Папа спросил Трея, как идут тренировки и есть ли у Фремонта шанс выиграть чемпионат штата.

Второй раз папа появился как раз тогда, когда мы уже собирались включить фильм. Папа спросил у Трея, стоит ли покупать электрическую отвертку с регулируемым моментом вращения. Я вообще не знаю, что такое «момент вращения», поэтому, пока они разговаривали, просто сидела и играла в игру на мобильнике.

Трей берет мою руку, мы сидим на диване в обнимку.

– Я тебя люблю.

Я поднимаю глаза, смотрю на красивое точеное лицо, а потом прижимаюсь к его груди, наслаждаясь его теплом.

– Я тебя тоже.

Меня тянет сказать, что я чувствую холодок между нами. Даже сейчас, когда я в объятиях Трея, мне кажется, что между нами стена. Раньше он был безупречен. Теперь кажется, что он при каждой удобной возможности бросает меня и уходит, даже не оглянувшись. Внезапно в комнату снова заглядывает папа.

– Трей, можно тебя на пару минут? – спрашивает он. – Я пытаюсь заменить насадку на разбрызгивателе в саду, но у меня ни черта не получается.

– Конечно, доктор Фокс, – тут же соглашается Трей.

– Пап, мы как раз собирались включить фильм, – говорю я, и мой голос звучит как-то жалобно. – Давай он тебе потом поможет?

Потрепав меня по коленке, Трей вскакивает на ноги:

– Не будь такой пренебрежительной. Я скоро вернусь.

Пренебрежительной? Раньше мне казалось милым, что Трей вставляет в разговор слова, которые наша учительница во втором классе называла «заумными». Это делало Трея неповторимым и напоминало мне о том, какой он умный. Но сегодня мне это кажется просто высокомерным.

Трей с папой выходят, а я, оставшись одна, проматываю титры и останавливаюсь перед самым началом фильма. Я знаю: чтобы помочь папе, нескольких минут не хватит. Я смотрю на мобильник: время идет – пять минут, десять минут, пятнадцать минут. Жужжит мобильный Трея. Видимо, выпал из кармана, когда Трей сидел на диване. «Наверное, кто-то из наших друзей», – думаю я, но это не так.

Зара: «Привет, малыш! Эйнштейн, я тоскую! Позвони, когда будешь один. Целую, обнимаю». В конце куча сердечек.

Когда я понимаю, что происходит, у меня перехватывает дыхание. Парень мне изменяет. Шока нет, но подступает тошнота, и внутри вдруг будто становится пусто. «Не строй догадок», – говорю я себе. Я перечитываю сообщение еще раз десять, и слово «пренебрежительная» уже точно не подходит для описания моего ужасного настроения.

Не желая накручивать себя еще сильнее, я выхожу во двор, где папа с гордостью демонстрирует Трею новую газонокосилку, которую купил пару недель назад. Трей, опустившись на колени, рассматривает агрегат, а папа радостно рассказывает про функционал. Они вместе пытаются решить какую-то проблему. У них теплые отношения, они как отец и сын.

Наконец Трей замечает меня.

– Трей, тебе пришло сообщение. – Я протягиваю ему мобильник. – Ты оставил телефон на диване.

Трей убирает его в карман:

– Спасибо.

– Ты разве не прочитаешь? – спрашиваю я, наблюдая за реакцией своего парня.

– Потом, – говорит он, не глядя мне в глаза.

– Вы идите с Моникой в дом, – говорит папа Трею. – Не хочу прерывать ваше свидание.

– Ничего-ничего, доктор Фокс. Правда, Моника? – подмигнув и улыбнувшись своей фирменной улыбкой, отвечает Трей.

Помню, как он улыбнулся мне в первый раз. Это было летом, перед девятым классом, сразу после тренировки чирлидеров. Ребята из футбольной команды шли мимо нас в раздевалку. Трей и Вик шагали рядом. Увидев меня, Вик просто кивнул, а Трей улыбнулся. У него уверенная, искренняя улыбка. Мне тогда больше хотелось познакомиться с Виком, но он на меня никакого внимания не обратил, а вот Трей… На следующий день он подкараулил меня у шкафчика и пригласил на свидание, опять улыбнувшись. С тех пор мы и встречаемся.

– Трей, – говорю я. – Нам надо поговорить.

– Кажется, что-то серьезное, – заключает папа. – Хочешь совет старшего товарища? Когда женщина предлагает поговорить, готовься к худшему. – Он шутит, и веселые морщинки собираются вокруг его глаз.

Трей смеется.

– Спасибо, что предупредили, доктор Фокс, – говорит он, идя следом за мной в дом. – Что случилось, малышка?

Я нервно сглатываю слюну:

– Кто такая Зара?

На лице Трея читается смятение.

– Зара? – повторяет он, будто впервые слышит это имя.

– Ну да. Ты должен ее знать, она в контактах в твоем мобильнике.

– Ты залезла в мои контакты?

– Нет, я не залезала в контакты, – защищаюсь я. – Просто на экране появилось сообщение от девушки по имени Зара. Прочитай.

Он достает мобильник. Прочитав сообщение, засовывает его обратно в карман.

– Тут какая-то ошибка, это же очевидно. – Он выгибает брови. – Неужели ты могла подумать, что это адресовано мне, а?

Теперь в смятении я. Мысли путаются.

– Трей, я не знаю, что думать. Все это подозрительно.

– Послушай, это просто нелепо! Глупо с твоей стороны считать это подозрительным. – Он разочарованно качает головой. – Разве ты мне не веришь?

Раньше я верила каждому его слову. Трей всегда был таким умным, и я искала его совета и дружбы. Но сегодня слетающие с его губ слова кажутся натянутыми и неискренними.

– Я не знаю, – говорю я. – Трей, она назвала тебя Эйнштейном. Тебе это так подходит. – Мне хочется ему верить, но у меня не получается.

– Мне как-то уже не хочется фильм смотреть, – отвечает он. – Я, пожалуй, пойду. Понимаешь, если ты не веришь парню, с которым встречаешься третий год, то оставим это.

– Оставим что? А ты не хочешь поговорить об этом? Понимаешь, ты даже не сказал мне, кто эта девушка. Ее номер сохранен у тебя в телефоне, так что ты ее знаешь.

– Извини, но я не желаю находиться в обществе своей девушки, если она мне не верит. – Он идет к двери. – Может, потом позвоню.

Сердце у меня бешено колотится, и я не знаю, что сказать, чтобы исправить положение.

– Трей…

Он оборачивается.

– Я хочу тебе доверять, – говорю я.

– Но не доверяешь.

– Я не знаю. Сначала эти таблетки, теперь вот это…

– Так ты еще и о них вспомнила, да? Мне сейчас только этого не хватало, – говорит он. – Моника, у меня и так куча проблем. Спасибо, что добавила.

От его слов я напрягаюсь.

– Ты так говоришь, будто я целый день сижу дома и ничего не делаю. Трей, мне тоже нужно подавать заявления в колледжи. У меня школа. Чирлидинг. Я тоже переживаю.

– У тебя нет работы, и тебе не надо думать о том, как платить за колледж. – Он указывает на картины и систему объемного звука в нашей игровой. – Твои родители могут себе позволить и твой колледж, и твой регулярный маникюр. А мои – нет. Ты даже себе не представляешь, каково это – одновременно работать и ходить в школу.

Я буквально оцепенела, будто попала в альтернативный мир, где за мои чувства или эмоции мне грозит травля.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что ты ведешь себя как дива, ожидая, что я буду идеальным парнем, а я никак не могу оправдать твоих ожиданий. – Он прижимает ладони к глазам, медленно вдыхает и так же медленно выдыхает. – Я пойду. Мне нужно время, чтобы остыть.

Он уходит, и у меня в сердце выстраивается невидимая стена. Мне не показалось, что Трей в последнее время от меня отдалился. Он говорит «я тебя люблю» не искренне, от всего сердца, а как робот, которого так запрограммировали. Он по-прежнему сыплет сложными словами, но даже не в состоянии сказать «я тебя люблю», как раньше.

– Где Трей? – спрашивает мама, когда я спустя несколько минут захожу в кухню. Мне хочется только одного – расплакаться. – Я думала, вы собираетесь фильм смотреть в игровой.

– Собирались, – вздыхаю я. – Но он ушел.

– Что-нибудь случилось?

Родители и так обо мне постоянно волнуются. Не стоит усложнять.

– Нет, все в порядке, – отвечаю я.

– Такой хороший мальчик. А ведь мог бы прицепиться этот Салазар. Вот тогда бы у нас были большие проблемы.

– Мам, Вик – хороший парень.

Мама искоса смотрит на меня:

– Я слышала совсем другое. Твой дядя Томас рассказал мне о стычке на пляже, которая произошла на днях. Он дал понять, что Вик тоже участвовал. Знаю, что Трей с ним дружит, но тебе следует держаться от него подальше. От парней вроде него одни неприятности.

Я бы поспорила, но это бесполезно. Мама не изменит своего мнения о Вике. Она навесила на него ярлык хулигана, и теперь мне уже не удастся ее переубедить,

что бы я ни говорила. И потом, Вик действительно часто дерется. Только никто не понимает, что почти всегда его провоцируют или он кого-то защищает. Тех, о ком он заботится, он защищает особенно яростно. Но сам он об этом не говорит и себя никогда не пытается защитить от косых взглядов и едких комментариев, как будто считает, что заслужил все это.

Где-то в глубине души мне хочется, чтобы Трей был похож на Вика: больше заботился о тех, кого любит, и меньше о своем положении в школе. Трей сказал, что я понятия не имею, каково это – работать и ходить в школу.

– Мам, можно я буду после уроков работать? – вырывается у меня.

– Лучше не надо. Сосредоточься на учебе. – Мама гладит мою руку. – Тебе ведь нужно, чтобы организм отдыхал. Ты не можешь допустить ухудшения состояния, иначе ты просто не сможешь ходить в школу.

Я всегда была хорошей девочкой, которая всех слушается и никогда не возмущается. А теперь меня называют «дивой». А родители вообще чуть ли не калекой считают.

Все, надоело быть хорошей девочкой, которая боится нарушить строгие ограничения, наложенные родителями, врачами и ею самой. Пора взбунтоваться, потому что спокойная, безопасная жизнь не для меня.

Глава седьмая

Виктор

У ВЫПУСКНИКОВ ВО ФРЕМОНТЕ есть одна приятная обязанность: именно мы отвечаем за розыгрыши школ-соперников. И процесс уже пошел, что не может не радовать. Наш квотербек Дерек Фитцпатрик по кличке Фитц, как и я, просто мечтает начать год с розыгрыша, который потом будут обсуждать еще много лет.

Мы все сидим в подвале дома у бабушки Дере-ка и уплетаем заказанные ею для нас вкусности. Ей и в голову не приходит, что Трей, Джет, Дерек и я замышляем кое-что грандиозное.

– Можно их дома туалетной бумагой обмотать, – предлагает Трей, но тут же начинает набирать ответ на сообщение, которое только что получил.

Дерек притворно зевает:

– Да было уже.

Джет тоже не в восторге.

– Нужно что-то оригинальное, что-то такое, чего раньше никто не делал.

Я пытаюсь придумать розыгрыш, за который нас не упекут в тюрьму.

– Может, покрасим их джемпера в цвета Фермонта – черный и золотой? – предлагает Дерек.

Увидеть противников в наших цветах было бы офигенно круто.

– А как мы до их джемперов доберемся? – спрашиваю я.

Дерек в своей развязной манере и с самоуверенностью размером с Техас говорит, широко улыбаясь:

– Доверься мне. Если понадобится, я могу проникнуть даже в тюрьму строгого режима.

– Лучше давайте что-то попроще придумаем, – отвечаю я. И тут мне в голову приходит идея. – Может, краской из баллончика написать на их поле слово «повстанцы»?

Мы переглядываемся. Дерек много чего умеет делать. У Трея – мозги. Джет, чтобы развлечься, готов на все. А я? Я не боюсь испачкать руки, и, хотя в

рисовании я не силен, с краской дело иметь приходилось.

– Я в деле, – говорит Джет.

– Я тоже. – Дерек встает. Я вижу, что колесики завертелись. – Горю от нетерпения. Будет эпично.

Все смотрят на Трея, а он пишет сообщения.

– Трей, убери ты уже этот чертов телефон, – говорит Джет, пытаясь выхватить у него мобильник.

Я кидаю в Трея подушкой:

– Давай же. Соглашайся.

Трей поглощен своими мыслями. Не знаю, слышал он вообще хоть слово из нашего плана.

– Ага, ребят, – подняв глаза, говорит он. – Что бы вы там ни придумали, это круто.

Но тут появляется миссис Уэнтуорт, бабушка Дерека. Она недавно переехала из Техаса, чтобы быть поближе к внуку, потому что его мама умерла, а отец на военной службе. Бабушка стоит внизу лестницы, ведущей в подвал, на голове у нее невероятных размеров красная шляпа.

Джет бросается к ней, широко раскинув руки.

– Бабушка Уэнтуорт! – кричит он, радостно сгребая ее в объятия.

Миссис Уэнтуорт вежливо похлопывает Джета по спине.

– Джейкоб, дорогой, – говорит она, называя Джета настоящим именем, а не образованным от его первой буквы прозвищем, как все остальные. – Пожалуйста, не зови меня бабушкой. Лучше просто миссис Уэнтуорт.

Джет хохочет:

– Вы уверены? Миссис Уэнтуорт звучит слишком… официально.

– Джейкоб, речь идет о хороших манерах. Слышал о них? – Пожилая дама откашливается и поправляет шляпу, которая из-за объятий Джета слегка съехала набок.

Когда взгляд бабушки падает на меня, я говорю:

– Спасибо за угощение, миссис Уэнтуорт.

Она улыбается:

– Пожалуйста, Виктор. – Заметив на полу одинокий кусок хлеба, миссис Уэнтуорт удивленно поднимает бровь. – А что это вы, мерзавцы, сегодня задумали? Завтра в школу, знаете ли.

Дерек поднимает ладонь:

– Тебе, бабуль, лучше не знать, чем мы заняты. Это наши мужские дела.

– Ну, ребятки, веселитесь… но не очень, – добавляет она, грозя пальцем всем сразу. – И не делайте ничего противозаконного, слышите?

Она уходит, но перед этим Джет объявляет ее знойной бабушкой, которой достоин только такой же юнец, как он сам. Ей уже под восемьдесят, и мы все смеемся. Вообще-то я точно не знаю, шутит Джет или нет. Этому парню нарушение общественных норм всегда сходит с рук. Вообще моим друзьям несвойственно жить по законам общества, в этом нет никаких сомнений.

– Встречаемся у Джета в четверг в полночь, – говорю я ребятам. – Да свершится эпичечное.

Трей поднимает голову.

– Вик, нет такого слова – эпичечное.

– Ага, Трей. – Я расплываюсь в улыбке и широко развожу руками. – Только ты забыл спросить, есть ли мне до этого дело.

Глава восьмая

Моника

ПО ВЕЧЕРАМ, КОГДА организм начинает отказывать от усталости, я обычно просто лежу в постели, смотрю в потолок и думаю.

Сегодня мысли заняты Зарой. Мне хочется выяснить, кто эта таинственная девушка.

Я ищу в сети. Она не из нашей школы, это точно. Я просматриваю страницы учеников старшей школы Фэрфилда, наших соперников. Начинаю с главного фэрфилдского дебила Мэтью Бонка: он пользуется популярностью и знаком почти со всеми.

Чувствуя себя шпионом, я изучаю его профиль. Там много фоток «кубиков» на животе. Самовлюбленный чувак, который хочет, чтобы его боготворили. Я листаю список из четырех тысяч друзей, ищу девушку по имени Зара.

И довольно быстро нахожу ее.

– Так вот она какая, – шепчу я сама себе, когда дохожу до фотки Бонка с группой чирлидеров.

Вау! Розовые волосы, похожие на сладкую вату. Большие голубые глаза. Белоснежная кожа. Моя полная противоположность. Зара Хьюз – вот как ее зовут. Я ее никогда раньше не встречала, но, зайдя в ее профиль, обнаруживаю горы информации. Зара выкладывает что-то почти каждый день – фотки, цитаты или посты о том, как прошел день.

О Трее она не упоминает, и фоток вместе с ним нет. Но потом я дохожу до поста, размещенного в июне, когда я с родителями отдыхала в округе Дор, в четырех часах езды отсюда. «Лучший вечер в моей жизни. Тайные отношения – лучше не бывает. Ни переживаний, ни дерьма». У меня начинает сильно колотиться сердце. Как бы мне ни хотелось все отрицать, детали головоломки складываются в картинку.

* * *

Наутро мой парень встречает меня у шкафчиков с красной розой в руке.

– Прости за вчерашнее, – говорит он, протягивая мне цветок. – Я психанул.

– Все нормально, – отвечаю я и, взяв розу, замечаю торчащие в разные стороны шипы. Я жду, что он объяснит сообщение от Зары. Но этого не происходит. – Трей, и это все? Все, что ты хочешь сказать?

– Нет. – Он смотрит мне прямо в глаза. – Если уж быть до конца честным, Зара – девушка, с которой я познакомился на фестивале Lollapalooza. Сообщение она послала в шутку.

– Она тебе нравится? – нерешительно спрашиваю я, не зная, хочу ли услышать ответ.

– Просто как друг – да. – Он поднимает руки, будто его расстроило мое замечание. – Неужели мне нельзя дружить с девушками?

– Можно, – говорю я. – Конечно. Просто я не думала, что они будут с тобой заигрывать. А она делает именно это. – У меня готов сорваться с языка еще один вопрос, но я держусь… А ты с ней заигрываешь?

– Ну не знаю, – быстро отвечает Трей.

Похоже, он считает тему исчерпанной. Но это не так. Далеко не так.

Когда в коридоре появляются наши друзья, Трей кладет руку мне на плечо. Он хочет показать всем, что все хорошо, чтобы никто ни о чем не догадался. Мне это не нравится, но я знаю, что Трей не хочет никому рассказывать о наших проблемах.

– Братишка, только не вздумай кинуть нас сегодня вечером, – говорит Трею Вик. – А то, клянусь, я надеру тебе задницу.

– Кинуть?

Мне любопытно. Трей не говорил, что встречается сегодня с ребятами. Впрочем, в последнее время он мне вообще почти ничего не рассказывает, так что нечего удивляться.

– Мы хотим разыграть школу Роллинг-Медоус, – вступает в разговор Дерек. Он оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что учителей в пределах слышимости нет. – Это будет круто.

– А в чем суть розыгрыша? – спрашиваю я.

– Сугубо мужское дело, – говорит Трей, и я сразу чувствую себя лишней.

Я презрительно усмехаюсь – его слова меня задели – и скидываю руку Трея.

– Мужское дело? Ты серьезно?

– Ну да. Вот Вик, например, работает в автомастерской Энрике, – продолжает он. – Это мужское дело.

Я ставлю руки на бедра:

– Я тоже могла бы работать у Энрике.

Джет, Дерек и Трей хохочут. Вик вообще, похоже, в ужасе от моего заявления.

– Ну вы и сексисты, ребят, – вклинивается Эштин. – Моника может заниматься всем, чем хочет, в том числе и работать у Энрике.

– Да, – говорю я. – Я могу работать у Энрике, если захочу.

Вик берет из шкафчика учебник по математике:

– Нет, не можешь.

– Почему это?

Трей снова кладет руку мне на плечи:

– Потому что ты не приучена к физическому труду, да и ноготь может сломаться. – Он кивает ребятам. – Ну теперь давайте обсудим сегодняшний вечер.

У меня отвисает челюсть. Как он мог такое сказать, думаю я, глядя на свои руки со свежим маникюром.

– Встречаемся у Джета дома, – говорит Вик. – Ровно в одиннадцать тридцать. Я захвачу все, что надо, а вы, ребят, займитесь логистикой.

Эш качает головой:

– Смотрите, чтобы вас не поймали.

– Не поймают, – уверенно говорит Джет. – Мы будем в масках.

– Ах да, – с сарказмом говорит Эш. – Как будто дурацкая маска гарантирует, что вы не нарветесь на неприятности.

Дерек целует ее:

– Не волнуйся, милая. Это не первый мой розыгрыш, да и не последний. Вы, девчонки, для розыгрышей не подходите.

Мы с Эш многозначительно переглядываемся. Пусть себе думает что хочет.

Глава девятая

Виктор

НА СВОЕМ ГРУЗОВИЧКЕ я еду к Джету, готовый к розыгрышу, с которого начнется наш выпускной год. Дерек с Джетом уже ждут на подъездной дорожке у дома Джета. Мы все в черных футболках и трениках.

– Лица показывать нельзя – там могут быть камеры, – предупреждает Дерек. Он с гордостью достает четыре черные вязаные шапки и прорезает в них дырки для глаз, чтобы натянуть на лица.

– Где Трей? – спрашиваю я.

– Ах да. – Джет поднимает руку. – Он мне сообщение прислал. Не придет. Пишет заявления в колледжи или что-то вроде того.

Черт!

– Ну и ладно, – раздраженно говорит Де-рек, – справимся и без него.

Я не хочу без Трея. Звоню ему, но вызов сразу переходит на голосовую почту. Я пишу, но Трей не отвечает.

– Что с Треем в последнее время происходит? – спрашивает Дерек. – Он какой-то чертовски занятой.

Джет запрыгивает на заднее сиденье:

– С ним даже тусоваться стало неинтересно. Клянусь, вчера он все время только и делал, что на сообщения отвечал.

– На него сейчас много всего свалилось. – Я защищаю лучшего друга, хотя сам тоже на него злюсь. – Ладно, давайте уже разберемся с нашим розыгрышем.

Когда мы едем к старшей школе Роллинг-Медоус, для того чтобы обследовать территорию, я ощущаю прилив адреналина. К счастью, в школе нет круглосуточной охраны. Однако, соблюдая безопасность, мы паркуем машину в квартале от нужного места.

– Мы выглядим нелепо, – говорит Джет, поправляя шапку так, чтобы прорези для глаз совпали с глазами. – У меня дырки для глаз не на одном уровне, – жалуется он, когда мы с баллончиками краски вылезаем из грузовичка. – Я вижу только одним глазом.

Дырки на его шапке прорезаны на таком расстоянии друг от друга, что он похож на циклопа, но разбираться некогда, потому что, чем больше времени мы здесь проводим, тем опаснее. А я не хочу, чтобы нас застукали.

Мы берем по паре жестянок с краской и отправляемся на футбольное поле соперников.

– С этой дурацкой шапкой на лице я ничего не вижу, – жалуется Джет.

– Уж как вышло, – говорит Дерек. – Терпи, братишка.

Повернув за угол, мы уже готовы перепрыгнуть через забор, но тут я замечаю в тени два силуэта. Остановившись как вкопанный, я уже готовлюсь делать ноги, но вдруг эти двое выходят свет.

Не может быть!

– Какого черта вы тут делаете? – спрашиваю я. У меня шок: перед забором стоят Моника и Эштин. Моника притягивает мой взгляд. Она в желтой футболке и джинсах, обтягивающих ее соблазнительную фигуру.

Черт! Классно выглядит.

– Ребят, мы хотим вам помочь, – говорит Моника.

Джет возится со своей вязаной шапкой.

– Моника?! Эштин?! – восклицает он, пытаясь увидеть что-то через одну из дырок.

– Вы нам помочь не можете, – говорю я девчонкам. – Идите домой.

– Да, идите домой, – поддакивает Дерек, отводя Эш в сторону. – Если ты влипнешь в неприятности, твой отец в штаны наложит от страха.

– Мне плевать, – сопротивляется Эш.

Моника ставит руки на бедра и надувает губы. Это придает ей скорее сексуальный вид, чем угрожающий.

– Ребят, мы будем вам помогать, хотите вы этого или нет. Можете продолжать спорить, теряя время, а можете принять нашу помощь и быстро со всем покончить. Ну так как?

Дерек закатывает глаза:

– Вы меня убиваете.

Моника оглядывается по сторонам:

– А где Трей?

– Он нас кинул, – говорю я.

Она моргает своими прекрасными глазами цвета морской волны:

– О!

– Ну давай, – говорит Дерек. Он натянул свою шапку на лицо Эш и теперь помогает ей перелезть через забор.

– Ребят, я сейчас, – говорю я, потом беру Монику за руку и отвожу в сторону.

– Ну что еще? – Во взгляде Моники столько решительности и чувства, что мне хочется ее поцеловать. – Я хочу в этом участвовать. И ты меня не остановишь.

Взяв себя в руки, я делаю вид, что меня не сводят с ума ни ее сверкающие глаза, ни ее пухлые губы.

– Моника, иди домой, – говорю я. – Это не для тебя.

На самом деле я хочу сказать, что ей лучше уйти, потому что это небезопасно. Никогда себе не прощу, если она влипнет в неприятности или пострадает.

– Не для меня? Как невежливо, – бросает она. Оттолкнув меня, она начинает карабкаться на забор. У нее очень маленькие ступни, и сама она слишком нежная для того, что задумала.

– Моника, слезай, – шепчу я как можно громче. Черт побери, если нас кто-нибудь услышит, то точно вызовут полицию. Только этого мне не хватало.

– Нет. Если Эш можно, то и мне тоже, – не сдается она.

Вот блин!

– Тогда давай помогу.

– Нет.

– Не упрямься.

– Вик, буду упрямиться сколько захочу. Это моя жизнь. Я хочу перелезть через этот проклятый забор – и перелезу.

Я быстро лезу за ней, надеясь, что в какой-то момент она поймет, что дальше лезть не стоит. Она уже почти на самом верху.

– Только не упади, – говорю я.

– Не упаду.

Но при спуске ее нога соскальзывает. Моника срывается и, пролетев последние метра полтора, с глухим звуком падает на землю. Сердце у меня обрывается.

– Ты в порядке? – взволнованно спрашиваю я, спрыгивая с забора и опускаясь возле нее на колени.

Она медленно садится.

– Уйди, – слабым голосом просит она. – Кажется, я в порядке, так что иди.

– Кажется? – спрашиваю я.

Она отряхивает пыль с коленей:

– Если ты подумал, что я сейчас уйду, то ты ошибся. Ну упала. Ничего страшного, Вик. Прекрати смотреть на меня, как будто я превратилась в калеку. Я этого не хочу, мне этого не надо.

Покачав головой, я поднимаю руки – сдаюсь.

– Ладно, ладно. Делай что хочешь, Моника.

К нам подбегает Джет, его шатает из стороны в сторону, и он едва не спотыкается о сдвинутую скамейку, потому что смотрит только через одну прорезь.

– Вик, да ее гребаная футболка светится в темноте, как желтый маркер. Если она не собирается уходить, дай ей свою футболку – прикрыть это дерьмо.

– На, – говорю я и, сняв через голову свою черную футболку, сую ее Монике в руку. – Надень ее и жди здесь. Я скоро.

Добежав до грузовичка и захватив четвертую вязаную шапку, предназначавшуюся для Трея, я спешу назад на футбольное поле и натягиваю шапку на лицо Моники.

– Мне ничего не видно, – жалуется она и, ухватившись за металлический забор, медленно встает. Потом срывает с себя маску и бросает мне.

– Это не самое страшное. Ты ушиблась, – говорю я, пока она, немного прихрамывая, пытается идти.

– Я в порядке. – Она выхватывает у меня баллон с краской и уходит. Наверное, думает, что ей удалось скрыть небольшую хромоту, но я это заметил.

На середине поля Дерек громко, совершенно не таясь, разговаривает с Эштин.

– Ты неправильно написал, – говорит Эш Дереку. – «Повстанцы нумер 1»? Малыш, там «о», а не «у».

Джет смеется:

– Если бы я мог все нормально видеть сквозь эту дурацкую колючую шапку, то я бы проследил, чтобы он правильно написал. Дерек, если ввести в поисковик «тупой качок», то вылезет твоя фотка?

Подойдя поближе, я краской приписываю после «р» букву «о», и получается «нумеро».

– Хорошо сработано, amigo, – говорит Джет, хлопнув меня по спине.

– Черт! – кричит Дерек. – Копы!

Обернувшись, я вижу, как на школьную парковку заворачивает патрульная машина, ее прожектор светит прямо на поле.

– Бежим! – кричит Джет, несясь к забору вместе с Дереком, за ними бросается Эштин.

Я смотрю на Монику – она в панике. Ей никак до машины незаметно не добежать.

Бросившись к ней, я хватаю ее за руку.

– Пошли, – говорю я, направляясь к трибунам. – Заляжем под скамьей.

Не говоря больше ни слова, мы ложимся нос к носу и вжимаемся под скамейку. У меня внутри бурлит адреналин. А если нас с Моникой Фокс поймают на трибунах с краской в руках? Так себе история. Я хочу защитить Монику, но что, если нас застукают?

Мне-то все равно, но ее надо доставить домой в целости и сохранности.

– Ты не сломала щиколотку, когда упала? – шепчу я. – Потому что, даже если нас не обнаружат и мы сможем выбраться отсюда, обратно через забор тебе ни за что не перелезть.

– Ничего я не сломала, Вик, – отвечает Моника. Она говорит тихо-тихо, как будто только рот открывает, а звука нет. – Я в порядке. Мне каждый день приходится терпеть боль.

Постойте. Что?

– Что ты имеешь в виду?

Она отводит взгляд:

– Ничего. Забудь обо мне, придумай, как нам отсюда выбраться.

Глава десятая

Моника

МЫ НАБЛЮДАЕМ ЗА ПОЛИЦЕЙСКИМИ, которые приближаются к футбольному полю.

– Краску пока не увидели, но обязательно заметят, – шепчет Вик. Выглянув из-за скамьи, он смотрит на полицейских, те выходят из машины. – Надо убираться отсюда.

Суставы у меня болят сильнее обычного. Падая, я повредила колено.

– Не уверена, что могу двигаться.

– Я понесу тебя. – Он указывает на выход сбоку. – Там вроде проход в заборе. Спрыгнуть сможешь?

– Наверное.

– Точно? – У него очень озабоченное лицо. – Я тебя донесу, тебе не о чем волноваться. Договорились?

У него такой серьезный вид, как будто защитить меня от полиции для него дело первейшей важности.

– Пожалуйста, не злись на меня за то, что я сюда притащилась. – Я отвожу взгляд. – Прости меня.

– Да все нормально.

– Я думала, что смогу. – Я думала, что способна на большее, что я не пай-девочка и смогу всем это доказать. Да с чего я вообще все это взяла?

– Ты сможешь. Пошли, – говорит Вик, подныривая под трибуны и протягивая мне руки. – Прыгай.

Я смотрю вниз:

– Мне страшно.

– Я поймаю, – шепчет он, уговаривая меня спрыгнуть. – Доверься мне.

Сделав глубокий вдох и поморщившись, я протискиваюсь наружу и прыгаю в его распростертые руки. Он прижимает меня к себе, я обхватываю его руками за шею.

– А что теперь? – спрашиваю я, уткнувшись в обнаженную мускулистую грудь.

– Держись, – говорит он, направляясь к забору в самой дальней от полицейских части поля, там растут кусты.

Если поймают, то неприятности будут у нас обоих. Но Вик знает, что делать. Он бесшумно двигается к забору и как-то умудряется пролезть через узкий проход.

Я держусь крепко, и Вик трусцой бежит по улицам, пока мы не оказываемся на достаточно большом расстоянии от школы.

– Спасибо тебе, – вздохнув с облегчением, говорю я. – Сегодня ты спас меня.

Наши глаза встречаются, я в его объятиях, его обнаженная грудь касается моей кожи, и я чувствую тесную связь между нами. Такого у меня не было давно, а может, даже и никогда. Наверное, это последствия всплеска адреналина, но мне приходится сдерживаться, чтобы не прижаться к нему еще крепче.

У меня вдруг пересыхают губы, и я облизываю их.

– Вик?

Он не отрывает взгляда от моих влажных губ.

– Да?

Мы в полной тишине смотрим друг другу в глаза. Не произносим ни слова, но, клянусь, в глубине его шоколадных глаз я вижу нежность и мягкость. Раньше я не замечала, какой у него завораживающий взгляд. Он пьянит.

Я чувствую, что сейчас слишком уязвима и эмоционально, и физически. И не справляюсь с напряжением. Оно слишком мощное.

– М-м… теперь можешь поставить меня, – говорю я, потому что мне необходимо разорвать эту невидимую нить.

– А, да. Прости, – бормочет он, медленно опуская меня на землю.

Я отступаю на шаг, и теперь вместо тепла его тела меня окружает прохлада ночного воздуха. Я смущена и растеряна. Не зная, что сказать, чтобы не выглядеть идиоткой, я достаю из кармана мобильник и набираю Эштин.

– Все норм? – спрашивает Вик, когда я заканчиваю разговор. Он кладет руки в карманы, как будто тоже растерян и не знает, что с ними делать.

– Да. Эш с ребятами сейчас нас подберут.

Он кивает. А через минуту выпаливает:

– Что мы скажем Трею?

О чем он? О том, что я сегодня за ребятами увязалась, или о том, что между нами возникло что-то не совсем невинное? Ну, было все невинно, но ощущалось как близость.

– Я ничего не собираюсь ему рассказывать, – говорю я.

– Хранить секреты от парня, наверное, нехорошо.

Уголок рта у меня поднимается вверх.

– Ну да, но рисовать краской на футбольном поле противника, наверное, тоже нехорошо.

– Здесь ты права, – отвечает Вик, как раз когда подъезжают наши сообщники.

Не теряя времени, мы садимся в машину.

– Это было эпично, – говорит Дерек. – Правда, ребят?

Я сижу рядом с Виком, мы почти касаемся друг друга пальцами.

– Ага, – откликаюсь я, не понимая, почему вдруг снова накатила волна бредовых мыслей о лучшем друге Трея.

Отмахнувшись от этих мыслей, я концентрируюсь на ноющей боли в колене. На ней сейчас сосредоточиться легче всего.

Глава одиннадцатая

Виктор

КАК ТОЛЬКО МИСТЕР МИЛЛЕР разбивает нас на группы, чтобы мы провели мозговой штурм и придумали идеи для социальных экспериментов, в класс стучится инспектор Джим.

– Директор Финниган хочет видеть Виктора Салазара. – Он указывает на меня и жестом просит встать.

– Мистер Салазар, как думаете, вы могли бы продержаться в классе хотя бы неделю без вызовов в кабинет директора? – спрашивает Миллер. – И это не риторический вопрос.

Я пожимаю плечами:

– Не знаю, мистер Миллер. Директору Финниган, наверное, заняться больше нечем, вот и решила со мной поболтать.

Миллер усмехается:

– Наверное. Возвращайтесь поскорее, а то пропустите сегодняшнее задание.

– Да, сэр, – отвечаю я.

Я замечаю Монику. Сидя в уголке со своей группой, она провожает меня понимающим взглядом.

Мы оба знаем, что из класса меня вызывают из-за розыгрыша, который мы вчера устроили. Одними губами говорю ей: «Все под контролем», чтобы она не беспокоилась. По ее нахмуренным бровям видно, что она переживает.

Когда я захожу в кабинет Финниган, Трей, Джет и Дерек уже там. Тренер Дитер тоже. У него недовольный вид. Финниган, наверное, успела дать бедняге серьезный нагоняй.

– Давайте сразу к делу, ребята. Кто это устроил? – сурово спрашивает Финниган, расхаживая перед нами туда-сюда.

– Устроил что? – спрашивает Джет, притворяясь, что понятия не имеет о краске на футбольном поле Роллинг-Медоус.

– Не понимаю, о чем вы, мэ-э-эм, – вступает в разговор Дерек, намеренно усиливая свой техасский акцент.

– Не могли бы вы объяснить, чтобы нам стало понятнее? – подыгрывает Трей.

– Ага, – говорю я. – И я без понятия.

Финниган останавливается передо мной:

– Вот что я вам скажу, Виктор. Мы с тренером Дитером не дураки. Вы четверо – лидеры футбольной команды, или, лучше сказать, главные хулиганы. Это дело рук одного из вас. Или всех сразу. Ну, кто первый сознается?

Ни у кого ни один мускул не дрогнул.

– Вы, ребята, сами прекрасно знаете, – вступает Дитер. – Портить имущество незаконно. Очевидно, тот, кто это сделал, будет оставлен после занятий или даже отстранен. К тому же нам придется сообщить в полицию.

– А может, это сами футболисты из Роллинг-Медоус? Может, они хотели, чтобы у нас были неприятности, – говорю я, удивляясь своей находчивости.

Дитер наклоняется прямо к моему лицу:

– А может, это был ты, Салазар, потому что слово «нумеро» – испанское?

– Прошу прощения, сэр, – замечает Трей, – но больше половины школы изучает испанский как иностранный.

– Хочешь сознаться, Трей? – рявкает Дитер. – Только скажи.

– Это не он, – говорю я. – Я слышал, как какие-то чики болтали о розыгрыше над Роллинг-Медоус. Это не мы.

– Чики? – спрашивает Финниган. – Чики – это девочки?

– Да, я тоже слышал, – вставляет Джет. – Девочки тоже, бывает, хулиганят.

– Хорошо, умники, может, тогда скажете, о каких именно девочках идет речь? – спрашивает Финниган. – Мы вызовем полицию, и их допросят.

– Я забыл, – говорю я.

– Проблемы с памятью, Салазар? – интересуется Дитер. – Может, тебя слишком часто били по голове и ты получил сотрясение мозга? Наш спортивный врач с удовольствием тебя осмотрит.

– Тренер, с головой у меня все в порядке. Просто у нас в семье часто встречается болезнь Альцгеймера. Это генетическое. Ну, вы знаете.

Финниган дважды хлопает в ладоши, как будто мы детсадовцы и ей нужно привлечь наше внимание.

– Мальчики, так вы скажете нам, кто испортил футбольное поле Роллинг-Медоус?

Мы не отвечаем, и она обиженно выдыхает:

– Ну хорошо. Мы обязаны проявить добросовестность и наказать тех, кто участвовал. Вот что я вам скажу, джентльмены. В этот раз я проявлю снисходительность и предложу тому, кто сознается, просто временное отстранение от занятий с сохранением права посещать школу. Полиции мы скажем, что сами приняли меры. Но если никто не признается, то я вас всех отстраню от сегодняшнего матча.

– Это сделал я, – говорю я.

Ни за что не допущу, чтобы досталось друзьям. Отстранение от занятий не сильно испортит мое личное дело, там и так полно нарушений – и тех, которые я действительно совершил, и тех, в которых меня незаслуженно обвинили.

– Нет, это не ты, Салазар, – говорит Джет. – Скажи правду. Это был я.

Дерек закатывает глаза:

– Джет нагло врет. Это сделал я.

Все смотрят на Трея.

– Я этого не делал, – говорит он, подняв руки. – Мне нужна хорошая характеристика из школы.

– Спасибо, что поддержал, Трей, – говорю я и поднимаю руку. – Я беру отстранение на себя, док.

– Хорошо. – Финниган, кажется, довольна тем, что я принял удар на себя. – Все свободны. Кроме вас, мистер Салазар. Я лично провожу вас в кабинет для

временно отстраненных от занятий.

– Жду с нетерпением, – отвечаю я, а сам думаю о том, что с удовольствием променял бы этот кабинет для отстраненных на что угодно.

Глава двенадцатая

Моника

ВОТ НАКОНЕЦ И ПЕРВЫЙ футбольный матч сезона. Все взволнованы. Я подбадриваю игроков, стоя за боковой линией игрового поля. Толпа ревет, надеясь на победу, я чувствую волнение зрителей. У меня синяки после вчерашнего падения, и все тело болит сильнее, чем обычно, но мне плевать. Сейчас мои мысли о криках болельщиков и об игре.

Между нашими выступлениями я смотрю матч. Мой взгляд сразу же цепляется за Трея. Он из кожи вон лезет, чтобы его заметили. Так сосредоточен, что, кажется, ни разу не взглянул на трибуны, даже когда на поле игроки защиты и у него перерыв. Даже для того, чтобы увидеть меня.

Я перевожу взгляд на Вика, который сейчас ушел с поля, – там появились игроки нападения. Вик пьет воду; когда он снимает шлем, волосы падают ему на лоб. Темные пронзительные глаза встречаются с моими. Я не в состоянии отвести взгляд, и по рукам бегут мурашки.

Вспоминаю, как вчера мы лежали под скамьей. Он прикрывал рукой мою голову, хотя я не уверена в том, что он сам заметил это. Он защищал меня инстинктивно.

О чем я думаю? Что я чувствую? Сама не знаю. В последнее время совершенно запуталась и не в состоянии разобраться в своих эмоциях.

Улыбнувшись Вику, я опять встаю в строй – для следующего приветствия. Кэссиди Ричардс плотно сжимает губы и недовольно качает головой.

– Что с тобой? – спрашиваю я.

– Я в порядке, – огрызается она.

– Уверена? – По ее виду не скажешь, что все в порядке.

Она чуть закатывает глаза, показывая, что ей надоели мои вопросы.

– Я же говорю, в порядке. Отстань.

Ого!

– Ну ладно.

Сказать, что Кэссиди в последнее время какая-то мрачная, – значит ничего не сказать. Наверное, нервничает из-за того, что начался учебный год. В последнее время все вокруг меня нервничают.

Ну, кроме Бри. Та никогда не нервничает. Настолько занята собой, что ей нет никакого дела до происходящего вокруг.

– Готова?! – кричит Бри, и ее лицо озаряет широкая белозубая улыбка. Бри называет ее «чирлидерской».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Семья. Здесь и далее перевод с испанского.

2

Мой папа.

3

Моя мама.

4

Хорошо.

5

Задница.

6

Придурок.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elkeles_simona/begi-ot-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить